

На правах рукописи

ПОПОВ Евгений Анатольевич

**КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА:
ДИНАМИКА И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Екатеринбург – 2008

Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **И.Е. Васильев**

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор **Л.А. Закс**

кандидат философских наук,
доцент **Н.Л. Быстров**

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Курганский
государственный университет»

Защита состоится «.....» _____ 2008 г. в ____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.286.08 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный
университет им. А.М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр.
Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, доктор
социологических наук, профессор

Л.С. Лихачева

Общая характеристика работы

Творчество Осипа Мандельштама давно и прочно привлекает к себе внимание читателей и исследователей. Признанный в России и за её пределами в качестве одного из лучших поэтов современности, Мандельштам стал также одним из символов русской культуры XX века. При первом же знакомстве с поэзией Мандельштама обращает на себя внимание особый интерес поэта к культуре: мировой, европейской, русской - и частое использование историософской лексики. Философичность, аналитизм, рефлексия составляют существо его лирики, с поправкой, разумеется, на самую природу поэтического творчества, предполагающую, наряду с рациональной, прежде всего внерациональные формы познания, а также специфические средства художественного выражения. Особенности культурологического зрения Мандельштама как поэта и мыслителя определяли идеи и темы его творчества на всем протяжении от начала 1910-х до конца 1930-х годов.

«Культуроцентризм» мандельштамовского художественного мышления предопределил складывание в его сознании содержательной концепции культуры, динамически изменявшейся на протяжении его творческой эволюции. Эта сторона творчества Мандельштама, связанная с его рефлексией над проблемами культуры как особой области человеческого общежития, открывающая поэта как оригинального мыслителя, находилась, как правило, (особенно если говорить о концептуальном подходе к ней) не в главном фокусе исследовательского интереса. Между тем, проблемы и идеи, поднятые и выраженные поэтом в своем творчестве, остаются остро актуальными и для современной культуры. Это касается тематики массового общества, лежащей в основе новейших теорий глобализации, мыслей о преемственности и разрыве между сменяющимися друг друга культурами, идей, связанных с выстраиванием на гуманистическом фундаменте единой, общей культуры человечества.

Мандельштам как поэт и мыслитель творил в совершенно определенном пространственно-временном континууме в эпоху, достойную называться поистине переломной для судеб России и мира, русской и мировой культуры. Один из самых проницательных современников той эпохи, Мандельштам великолепно передал её дух и суть во всей сложной противоречивости. Современная культура, находящаяся на очередном переломном этапе исторического развития, остро нуждается в глубоком и объемном понимании мандельштамовского видения для того, чтобы, пользуясь его опытом, адекватно и эффективно отвечать на современные вызовы.

Сказанным определяется **актуальность темы исследования.**

Основная **проблема** настоящего исследования связана с осмыслением формирования и поэтапного развития мандельштамовской

концепции культуры. Уникальность и репрезентативность фигуры Мандельштама заключается в том, что он одновременно и поэт и философ, и что именно соединение поэзии и мысли характеризует культурологическую панораму его творчества (не случайно одна из статей Мандельштама называется «Слово и культура»), поэтому для решения проблемы необходимо «извлекать» культурные концепты из всего созданного поэтом, одновременно учитывая их эволюцию.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование мандельштамовского творчества, по понятным причинам, было делом, главным образом, филологической науки. Вместе с тем многие ученые, даже имея филологическую специализацию, неизбежно выходили в своих разработках на культурологическую проблематику, которая была продиктована самими смыслом и сутью наследия Мандельштама.

Начало исследованию мандельштамовского творчества было положено текстологическими, архивными и источниковедческими разысканиями. Нельзя не отметить, что после ареста поэта семейный архив был спасен Н. Я. Мандельштам, рядом с которой в 1950-60-е образовался круг филологов, подготовивших фундамент для последующих изданий, таких как А. А. Морозов, Н. И. Харджиев, И. М. Семенко, а также Л. Чертков, К. Азадовский, Р. Тименчик, Г. Суперфин.

Исследования мандельштамовского творчества в Советском Союзе вплоть до конца 80-х годов были затруднены обстоятельствами существования авторитарной власти, опиравшейся на государственную догматическую идеологию, и, как следствие, сохранявшимся положением Мандельштама в качестве полуопального поэта. Тем не менее, в 1960-е годы в СССР начинается изучение стихов Мандельштама, представленное, прежде всего, исследованием «семантической поэтики» и подтекста его стихов (Р. Тименчик, Г. Левинтон, Ю. Левин, Т. Цивьян, Д. Сегал, В. Топоров).

Систематическое изучение творчества Мандельштама за рубежом началось с выходом в свет в 1955 году в Нью-Йорке его «Собрания сочинений» на русском языке, подготовленного Глебом Струве и Борисом Филипповым.

Признанным корифеем зарубежного мандельштамоведения является известный филолог-славист, стиховед, продолжатель традиций русской «формальной школы» К.Ф. Тарановский. В 1968 году он организовал в Гарвардском университете семинар по изучению поэтики Мандельштама, среди участников которого были будущие известные слависты-мандельштамоведы О. Ронен и С. Бройд. Тарановский стремился в своей работе максимально выявить контекстуальный и подтекстный фоны мандельштамовского текста в целях более адекватного его истолкования. Его метод получил название метода «открытой» интерпретации. Метод Тарановского не только сплотил вокруг себя «школу Тарановского» на Западе, но и самым непосредственным образом повлиял на плеяду советских

исследователей, сконцентрировавшихся на изучении подтекстов у Мандельштама (их имена были приведены выше). Начиная с 70-х годов, на Западе выходят монографии о Мандельштаме. Их авторами были К. Браун, С. Бройд, Д. Байнес. По большей части они содержат хронологическое и тематическое описание значительной части стихотворений, созданных Мандельштамом во все периоды своего творчества, неопубликованные варианты произведений, а также множество биографических деталей. Все эти работы, однако, не выходили за рамки специально филологического подхода к интересующему нас вопросу.

Значительный запас научных данных и настоятельная потребность в их обобщении и систематизации привели в 80-е годы к возникновению нового типа исследования – концептуальной (по сути культурологического характера) монографии, знаменующей собой новый этап в развитии мандельштамоведения и наиболее интересной в свете нашей работы.

Н. Струве в своей книге «Осип Мандельштам», вышедшей в Париже в 1982 году, отстаивает мысль о том, что поэзию Мандельштама, прежде всего, определяет стремление к преодолению пространства и времени в поисках единства бытия в раздробленности жизни. Автор, по-видимому, испытал мощное духовное и интеллектуальное влияние русской религиозной философии рубежа веков и попытался прочесть Мандельштама в этом контексте. К типу концептуальной монографии относится также книга Г. Фрейдина «Многоцветное одеяние: Осип Мандельштам и его мифология самопредставления», предлагающая так называемую «мифологическую» интерпретацию творчества поэта. Предметом данной работы является Мандельштам как автор мифа о себе. Ключом к мифологии самопредставления Мандельштама является «кенотическое *imitatio Christi*». Эти авторы выходят на широкие, хотя и небесспорные, культурологические обобщения, позволяющие увидеть определенную сторону мандельштамовского творчества, но не ставящие своей целью улавливать при этом его культурологическую концепцию в развитии и динамике.

Снятие идеологических шор, прорыв информационных шлюзов в нашей стране на рубеже 80-90-х годов ознаменовали собой всплеск небывалого интереса к Мандельштаму, как и к другим «возвращенным именам». Состоялось открытие «полного» Мандельштама для отечественного читателя. Появилось множество научных исследований, критико-публицистических статей, были опубликованы многочисленные воспоминания современников поэта. Эта работа увенчалась недавним выходом в свет книги о Мандельштаме, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», и написанной известным литературоведом О. А. Лекмановым.

Диапазон подходов, углов зрения при рассмотрении творчества Мандельштама в современной отечественной научной литературе очень широк. Это и специально филологический подход с точки зрения

стихотворения (в работах Ю.И. Левина, например), и взгляд психолога (В. И. Зинченко), и попытка постичь мандельштамовскую поэзию через языковые игры (В. Мордерер, Г. Амелин). Из исследователей, рассматривающих творчество Мандельштама в его целостности и вносящих его в широкий общекультурный контекст, крупнейшими авторитетами в отечественной науке являются М.Л. Гаспаров и С.С. Аверинцев. Гаспаров, на которого, несомненно, повлияла методология школы Тарановского, основное свое внимание обращает на исследование интертекстуальных связей в мандельштамовском творчестве, акцентируя внимание на то, как в пространстве стихотворения Мандельштама происходит переключки между разновременными эпохами и культурами. «Поэт и культура», - главная тема его размышлений по поводу Мандельштама. Исследование развития мандельштамовской поэтики у М. Л. Гаспарова, по сути, перетекает в исследование развития представлений поэта о культуре, выходя на значимые наблюдения и важные для нас концептуальные обобщения.

С. С. Аверинцев, с присущей ему необычайной тонкостью и точностью, анализирует психологические мотивы в творчестве Мандельштама. Наблюдения Аверинцева, связанные с культурологическими размышлениями Мандельштама касательно тематики массового общества, мысли ученого, имеющие дело с идеями поэта, направленными на выстраивание на гуманистическом фундаменте единой общей культуры человечества, безусловно, работают на решение задачи реконструкции мандельштамовской концепции культуры.

Мандельштамоведение накопило материал большой научной ценности. Проведена огромная работа по собиранию и изданию текстов поэта, изучению его биографии. Исследователи занимались комментариями к слову, образу или мотиву, анализом конкретных произведений, решали, наконец, сущностные проблемы творчества поэта. При этом культурологическая проблематика мандельштамовской поэзии и прозы не была на обочине исследовательских интересов, но и не находилась в их главном фокусе. Перемещение угла зрения в этом направлении, как представляется, открывает самые широкие перспективы для мандельштамоведения: сегодня назрела необходимость более пристального внимания к культурологической составляющей творчества Мандельштама как важнейшей стороне его творческого наследия.

Объектом исследования является творчество О. Э. Мандельштама.

Предметом исследования определена концепция культуры, которая разрабатывалась поэтом в рамках его творчества, как поэтического, так и создававшегося в образно-рациональной форме эссе, статей, заметок и т.п.

Целью диссертационного исследования является изучение концепции культуры О. Мандельштама в её вращенности в творческую практику поэта и эволюционной динамике развития.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи:

1. Раскрыть культурологическую составляющую творчества Мандельштама, то есть ориентированность тем и образов его произведений, а также рассуждений на реализацию культурных представлений культурологических воззрений поэта.
2. Показать своеобразие мандельштамовского восприятия и осмысления культуры.
3. Рассмотреть особенности каждого из этапов мандельштамовского творчества в свете заявленной темы исследования, выявляя наличие «следов» или прямой взаимосвязи между сменяющимися друг друга доминантами культурологического мышления Мандельштама.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. В методологическом отношении работа, помимо использования биографического и историко-сопоставительного методов, опирается на герменевтические подходы. Феномен культуры не существует вне контекста и процедуры интерпретации. В гуманитарных науках объяснению предшествует понимание. А чтобы понять текст, его необходимо «пережить», в первую очередь это касается художественных произведений. Отсюда и данное исследование есть попытка интерпретации творчества Мандельштама, осуществленная под определенным углом зрения. Для исследования культурных текстов в широком смысле привлекательными представляются идеи Э. Панофски, чья методология, на наш взгляд, является общекультурологической, во всяком случае, применительно к возможности интерпретации разнородных художественных феноменов. Этот подход особенно выигрышен в случае Мандельштама, для понимания текстов которого исследователю необходимо иметь обширный запас знаний из истории человеческой культуры. Смыслы мандельштамовских произведений, при их явной культурологической детерминированности, чрезвычайно зыбки и текучи и поэтому требуют от исследователя адекватного интерпретативного аппарата, наличия герменевтической настроенности.

Научная новизна исследования:

1. Установлено, что творчество О. Э. Мандельштама неотделимо от его культурологических концепций.
2. Выявлено, что мандельштамовское творчество, рассмотренное в его последовательности и эволюции, представляет собой единый текст, базирующийся на основании, образующем единый комплекс идей, фундированный мыслью о культуре как высшей ценности.
3. Показано, что вершиной и квинтэссенцией мандельштамовского культурологического мышления являлась сформулированная им идея культурной синхронии, в наиболее ярком и образном виде выражающая мысль о культуре как целостности высшего порядка.

4. Прослежена определенная связь между стремлением Мандельштама к «тотальности» (синхронной тотальности культуры) и советским политическим и культурным тоталитаризмом, объясняющая появление просоветских стихов Мандельштама, составляющих существеннейшую часть его творчества последнего периода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественный мир Мандельштама является носителем его концепции культуры, развивавшейся с усовершенствованиями и изменениями на протяжении около трех десятилетий. Художественное мышление Мандельштама существовало в тесном взаимодействии с интенсивной теоретической рефлексией поэта и в значительной степени питалось её плодами.
2. Мандельштам как поэт и мыслитель демонстрирует пример целостного сознания (при его парадоксальной амбивалентности), что доказывает всё его творчество, представляющее собой единый текст и базирующееся на основании, представляющем собой единый комплекс идей.
3. Культура представлялась Мандельштаму в качестве целокупности высшего порядка, о чем свидетельствует мысль о существовании культурного синхронизма, выраженная Мандельштамом в зрелый период творчества и представляющая собой высшую точку в развитии его культурологических идей.
4. Идея культурной синхронии, предполагая синхронную целостность («тотальность») культуры, объективно (и парадоксально) оказывается близкой интеграционным интенциям советской политики и культуры, чем (а отнюдь не только террором и насилием) объясняется появление «просоветских» стихов позднего Мандельштама.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет под новым углом зрения посмотреть на творчество Мандельштама, увидев в нем оригинального мыслителя культурологической направленности. Культурология как наука конституировалась в тот момент, когда в гуманитаристике назрела необходимость всемерно широкого привлечения междисциплинарных подходов, когда в среде интеллектуалов появилось осознание того, что без их использования невозможно глубокое и объемное постижение явлений и процессов, существующих и происходящих в культуре. К сегодняшнему дню такая необходимость вряд ли стала менее острой. Наследие Мандельштама, всегда являвшееся естественным предметом филологической науки, представляет собой идеальный артефакт из области изящной словесности, с которым могла бы работать становящаяся культурология. Культурологические суждения Мандельштама остаются ценными для сегодняшних теоретиков культуры, а использование культурологического подхода при исследовании творчества поэта с внятно артикулируемой культурной составляющей позволяет наиболее полно понять его суть и смысл.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании культурологии, теории, истории и философии культуры, истории литературы.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации были представлены автором на следующих научных и научно-практических конференциях: Международная научная конференция аспирантов и студентов «Актуальные проблемы культурологии» (Екатеринбург, 2004); Международная научная конференция аспирантов, студентов, преподавателей «Проблемы города в культурной антропологии: история и современность» - III Колосницынские чтения (Екатеринбург, 2005); IV Колосницынские чтения (Екатеринбург, 2007); V Колосницынские чтения (Екатеринбург, 2008); Международная научно-практическая конференция «Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения» (Екатеринбург, 2006); Международная научно-практическая конференция «Литература в контексте современности» (Челябинск, 2007); Научная конференция «Зритель в искусстве: интерпретация и творчество» (Санкт-Петербург, 2007); Всероссийская научная конференция молодых ученых «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2008).

Диссертация обсуждалась на кафедре культурологии Уральского государственного университета.

Работа состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка литературы, включающего 152 наименования. Общий объем работы – 143 с.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются цели и задачи исследования, положения, выносимые на защиту, определяется его научная новизна.

В главе 1. «Культурологическая проблематика в творчестве Мандельштама 1910-х годов» исследуется зарождение и становление творческой личности поэта через призму культурологических идей, разрабатывавшихся им в ранний период творчества.

В параграфе 1. 1. «Мандельштам «Камня»: от "стихийного экзистенциализма" к историософии "по Чаадаеву"» в свете избранной темы исследования рассматривается дебютный сборник Мандельштама «Камень».

Стихи «Камня» (то, что принято называть «ранним Мандельштамом») достаточно четко хронологически подразделяются на две группы: собственно ранние (доакмеистические) и периода акмеизма (начиная со времени написания статьи «Утро акмеизма» в 1912 году). Раннего Мандельштама больше всего интересуют фундаментальные экзистенциалы человеческого бытия – смерть, страх, одиночество - и способность противостоять им. Этот интерес поэта позволил Н. Л. Лейдерману назвать лирического героя ранних стихов Мандельштама «экзистирующим

мыслителем». Поэтому доакмеистический период его творчества проходит под знаком того, что мы очень условно и вполне метафорически обозначили как «стихийный экзистенциализм».

Закат символизма предопределил выход на авансцену двух других главных направлений русского модернистского искусства – футуризма (раннего русского литературного авангарда) и акмеизма. Определение сущности акмеизма как литературного направления до сих пор представляет собой серьезную проблему, но главным отличием его от остальных модернистских течений в искусстве был вызов духу времени как духу утопии. Противопоставление утопическому, по сути антикультурному, духу начала века «архитектурной трезвости», противостояние духу разрушения архитектуры как метафоры культуры выражено в теоретическом манифесте Мандельштама 1912 года «Утро акмеизма». Аналитическая рефлексия «Утра акмеизма» преобразилась в художественные образы так называемых «архитектурных стихов» («Notre Dame», «Адмиралтейство», «Айя-София», «Петербургские строфы», где обрисована «социальная архитектура» Российской Империи по состоянию на 1913 год), занимающих исключительно важное место в структуре «Камня». В них Мандельштамом подчеркивается приверженность акмеистической поэтике, предпочтение «гармонии» Аполлона экстазам Диониса, выражаясь на языке того времени. «Notre Dame» и «Айя-София» вместе со стихотворением «Лютеранин» образуют, в свою очередь, мини-триптих, посвященный трем ветвям христианства и поднимающий важнейшую тему отношения Мандельштама к религии. Главная линия определенного противопоставления идет между православием и католичеством. Смысл этого противопоставления (не антагонистического, а скорее, «диалектического») следующий: если готический храм символизирует, по Мандельштаму, возвышение человека, то крестово-купольная София – нисхождение Бога с выси к людям. Лютеранская религия находится на периферии этого цикла. Она не имеет столь мощного символа, как первые две, и описывается через картину традиционной лютеранской погребальной процессии.

Пристальный интерес к католицизму и осознанное чувство принадлежности к русской культуре как к части культуры европейской подтолкнули Мандельштама к вдумчивому чтению сочинений П. Я. Чаадаева, чьи идеи оказались созвучны поэту. П. Я. Чаадаева многие современные исследователи называют предтечей русской философской традиции. Действительно, «басманный философ» оказался предшественником не только западников («Философические письма»), но и в значительной степени славянофилов («Апология сумасшедшего», позднее эпистолярное наследие). Кроме того, философия истории Чаадаева носит отчетливо религиозный характер. Московский затворник, объявленный за свои «Философические письма» сумасшедшим, считал, что основой мирового развития выступает «великое ВСЕ», «абсолютное единство»,

«истинная реальность», которые суть имена Бога. Это единство мы находим в исторической реальности на католическом Западе и персонализировано оно в фигуре Папы.

Мандельштама поразила и вдохновила чаадаевская универсалистская идея. Единство полагалось как вневременная смысловая связь, являющаяся, однако, в невыдуманной конкретности исторического преемства. Принцип единства Мандельштам противопоставляет аморфному эволюционизму, подменяющему связь времен «дурной бесконечностью» прогресса. По Мандельштаму, чаадаевская мысль – это противовес традиционно-русскому мышлению, мечте неисторического мира, тому, к чему призывал еще совсем недавно Лев Толстой, мечтавший отбросить ненужную «комедию» истории и начать «просто» жить. «Бесформенному раю» России (и иудейскому миру, замкнувшемуся в себе) он, подобно Чаадаеву, предпочитает «лес социальной церкви», где «готическая хвоя не пропускает другого света, кроме света идеи». Символом всеединства для Мандельштама в это время (как и для Чаадаева в свою эпоху) становится Рим – город-символ, исток и скрепа мировой культуры.

Так за первые 5-6 лет своей творческой эволюции Мандельштам прошел путь от юношеского «стихийного экзистенциализма» до вполне глубокой, пусть и не совсем самостоятельно выработанной, культурологической концепции единства как вневременной смысловой связи событий на протяжении истории.

В параграфе 1. 2. «Мандельштам «Тристий»: конец культуры и "вечное возвращение"» рассматривается второй поэтический сборник Мандельштама «Tristia», включающий произведения 1915-20 годов, создававшийся в драматический период истории, обернувшийся чрезвычайно трагическими последствиями для культуры.

На судьбу Российской империи (как и других авторитарных монархий Европы – Германской и Австро-Венгерской) особенно сильно повлияла Первая мировая война. Мировой конфликт стал непосредственной причиной, катализатором революции, уничтожившей самодержавие. Русская революция совершила самый впечатляющий переворот в истории страны, начиная, возможно, с петровских времен. Такой коренной перелом способствовал нарастанию апокалиптических мироощущений у значительной части интеллигенции. Катастрофизм истории не мог не повлиять на нарастание соответствующих настроений у Мандельштама. Его стихи, созданные в 1915-20-х годах, полны предчувствий конца культуры. Чаадаевское единство оказалось разрушенным, и связь времен грозила прерваться.

Одним из самых ярких стихотворений Мандельштама военного периода является «Зверинец» (1916). Проблема соотношения культуры и природы принимает в нем драматический оборот. Культура отходит в тень, грозя исчезнуть совсем, и человек остается один на один с природой, не

просто равнодушной, но враждебной по отношению к нему. Поэт – хранитель духовных ценностей – выступает в роли Прометея культуры. Но чтобы не допустить установления варварства, считает Мандельштам, надо вернуться к золотому веку праарийского (общеевропейского) братства, в котором едины славянские, германские и романские племена.

В мандельштамовских стихотворениях предреволюционного и революционного времени преобладают погребальные тематика и образность («Как этих покрывал и этого убора...», «Мне холодно. Прозрачная весна...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...», «Соломинка», «Еще далёко асфodelей...», «На страшной высоте блуждающий огонь...», «Когда в теплой ночи замирает...»). Этот же мотив обреченности варьирует, причудливо сочетаясь с возникшей в «Тристиях» иудейской темой, стихотворение «Среди священников левитом молодым...», в котором гибель Иерусалима отсылает к концу Петербурга, петербургского периода русской истории.

Спустя год после революции Мандельштам пишет стихотворение «Сумерки свободы», где стремится проанализировать произошедшие перемены. Корабль, идущий ко дну, – один из центральных образов стихотворения. Это корабль былой культуры: бывшего государства, гуманизма, индивидуализма, демократии. «Кипящие ночные воды» символизируют народную стихию, которая выходит из этих вод, превращаясь из носителя революции в носителя власти, принимаемой «в слезах», по исторической необходимости.

Образ потерянного забытого слова, символизирующего погибшую культуру, – доминанта стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» – («Ласточка»). Невозвратное слово – ушедшая в небытие культура – отождествляется с лишенной зрения ласточкой с подрезанными крыльями. Явно по Шпенглеру, любая умершая культура у Мандельштама изолирована и самодостаточна. Никакое внятное «припоминание» из неё для культуры, рождающейся на её обломках невозможно. Но помимо шпенглеровских идей, рожденных ясным осознанием кризиса европейской цивилизации, русскому поэту в этот период очень продуктивной кажется мысль о «вечном возвращении», «повторении», чем-то напоминающая одну из основополагающих идей философии Ницше. В заглавном стихотворении «Тристий» – «Tristia» – мысль о вечном круговом повторении и узнавании выходит на первый план. Напомним, что «вечное возвращение» Ницше следует понимать не как наказание существованием, но как вечное утверждение и созидание. «Вечное возвращение» нельзя понять эмпирически или натуралистически. Через вечное вращение колеса Бытия, по Ницше, только и возможно становление жизни.

Таким образом, для Ницше «вечное возвращение» было высшей формой утверждения полноты жизни и избытка бытия. Позже, в 30-е годы, Мандельштам сформулирует свое понимание избыточности как конституирующего принципа культуры.

Идея «вечного круговорота», никогда полностью не уходя из сознания Мандельштама, оказалась для него переходной от апокалиптического мироощущения конца культуры эпохи войн и революций к изменившемуся взгляду на культуру в 1920-е годы.

В главе 2. «Тема преемственности и разрыва культур в творчестве Мандельштама 1920-х годов» изучается этот чрезвычайно насыщенный, содержательно емкий период творчества поэта. Именно в 20-е годы Мандельштам уделял особое внимание теоретическому анализу современной ему культуры, что выразилось в целом ряде культурологически ориентированных статей и эссе, которые рассматриваются как источник культурологических представлений наряду с лирикой поэта.

В параграфе 2. 1. «Мироощущение эпохи смены культурных парадигм в поэзии Мандельштама 1920-х годов» исследуется отражение в мандельштамовской лирике глобальных культурных сдвигов, имевших место на протяжении конца XIX - начала XX веков, зримым символом которых стали исторические катаклизмы мировой войны и революций.

С окончанием Гражданской войны и безоговорочной победой большевиков в ней стало очевидно, что наступает совершенно новый период в истории страны и, значит, новый этап в развитии её культуры. При этом Советская Россия отнюдь не была неким отколовшимся от остального мира материком, несмотря на известную уникальность её положения. Речь идет об общей для всего мира смене культурных парадигм, переходе от позитивистски-реалистической парадигмы XIX столетия к модернистской парадигме XX столетия. Конечно, этот переход начался задолго до 1920-х годов, еще во второй половине XIX века. Но зримым символом наступления новой эпохи стала все-таки Первая мировая война, на которую в России наложилась революция, принесшая огромные перемены, развивающая культ нового - главный лозунг любой модернизации.

Недоверие к реальности для этой эпохи неудивительно, учитывая атмосферу разваливающегося мира. Но, вместе с тем, художники и философы стремились осмыслить, каждый своими средствами, положение и предложить собственные способы существования в таком мире. Поэтому основным лейтмотивом нового корпуса стихов Мандельштама («1921-1925») становится отношение со временем, попытка найти с ним общий язык, чтобы, говоря словами поэта, на дрожжах старой культуры возшла «опара» новой жизни. Стоит подчеркнуть, что когда Мандельштам говорит о старой культуре он, конечно, имеет в виду не только культуру предыдущего столетия, но и культурные богатства человечества, накопленные за все предшествующие века.

Совершенно естественно, что главной темой, заботящей поэта в этот период, становится тема преемственности и разрыва культур. Отсюда, попытка примирения со временем («Давайте с веком вековать»), надежда на то, что уже скоро «блаженный брызнет смех», а смерть и тление отступят.

Готовность Мандельштама к «присяге чудной четвертому сословию» вполне коррелирует с образом разночинца, которому «не нужна биография». Но это тот самый разночинец, рассказавший о книгах, прочитанных им. В случае Мандельштама это и гомеровский эпос, и расиновская драма – мировая культура. Здание новой культуры, по Мандельштаму, несмотря на всю неслыханность переворота (речь о кардинальной смене культурной парадигмы, а не лишь об историческом катаклизме Октября), не может быть построено на пустом месте. Поэтому так важна преемственность культур, мысль о которой вынашивалась Мандельштамом в этот период и отразилась в таких поэтических произведениях этого периода, как «Век», «Нашедший подкову», «Грифельная ода», большая элегия «1 января 1924», «Нет, никогда ничей я не был современник...». Эту преемственность во многом помогает поддержать и осуществлять язык. В статьях «Слово и культура», «О природе слова» Мандельштам доказывает, что язык – это средство хранения, передачи и развития духа народа, культурных ценностей.

В параграфе 2. 2. «"Музыка тления" как "музыка воскресения": эссенстика Мандельштама 20-х годов» рассматривается культурологическая проза поэта, в которой он обращается к анализу процессов в культуре, заключающихся в радикальной смене культурных парадигм и берущих свое начало в последней трети XIX столетия.

Можно выделить несколько статей Мандельштама, в которых рассматривается данная проблематика. Они, в свою очередь, распадаются на три группы. Сюжеты в них взаимосоотносимы, логически следуют один за другим.

1. В статье «Девятнадцатый век» представлен анализ «духовной ситуации времени» (К.Ясперс) прошедшего столетия. По Мандельштаму, необходимо оттолкнуться от позитивистского XIX века, «запятнавшего» себя отсутствием деятельного активного познания, заменившего познание методом. Мандельштам выдвигает столетию обвинение в пассивности, бездеятельности и сонности. Отсутствие деятельного активного познания делает ушедшее столетие, считает Мандельштам, проводником чуждого, враждебного европейской культуре влияния, которое автор статьи назовет «буддийским». Отталкивание от такого девятнадцатого века необходимо. Но такое отталкивание должно быть осторожным, а не огульным, поскольку альтернативой прошлому может стать чувство бесчеловечного тоталитарного единства. Этот новый, «жестоковыйный», век нужно колонизировать, гуманизируя или европеизируя, что, по Мандельштаму, равнозначно друг другу. За образцом для этой работы, к которой призваны наследники культуры, Мандельштам обращается к «позавчерашнему историческому дню» - XVIII веку – веку Разума просветителей (это еще и век Революции, и в апелляции к нему можно увидеть реверанс в сторону Советской власти, которая, конечно, тоже нуждалась в гуманизации).

2. Статья «Конец романа» рисует картину современности глазами Мандельштама. Эстетический факт – кризис романа как фабулы отождествляется поэтом со смертью человека как фабулы. Культура в определенном смысле возвращается к эпохе, когда личность еще не была выделена из человеческой массы. Человек лишается биографии. Понятие действия для него заменяется «более содержательным социальным понятием приспособления». Человек приспосабливается к «сверхчеловеческим» культурным, экономическим, политическим реальностям. Это означает наступление эры «массового общества» и «массового человека». Социальная безответственность нового преобладающего социального типа, его склонность передоверить принятие всех решений государственной власти окажутся великолепной питательной средой для возникновения европейских тоталитарных режимов, включая советский режим. Сложившиеся тоталитарные системы, по сути, станут инструментом тотальной дегуманизации культуры.

3. Статьи «Гуманизм и современность», «Пшеница человеческая» нацелены в будущее и демонстрируют мандельштамовскую утопию построения нового гуманистического общества. Рецепты Мандельштама – возвращение к гуманистическим ценностям прошлого и «восстановление европеизма как нашей большой народности» – стремление к всеевропейскому единству. Во времена послевоенной разрухи, говорит Мандельштам, главное не политика, которая «умерла как стихия, и трижды благословенна её жизнь», а экономика с её «пафосом всемирной домашности», благословенно всё, «что поглощено великой заботой об устройении мирового хозяйства». Более того, поскольку всякий национальный мессианизм скомпрометировал себя катастрофой мировой войны, то скомпрометированными оказались и политические границы, которых не знает этот «пафос всемирной домашности». Человеческая пшеница – та самая масса – должна превратиться в «хлеб», единый для всей Европы.

Но мандельштамовский оптимизм в отношении будущего культуры был подорван действительностью советской эпохи уже во второй половине 20-х годов. Следствием стал практически полный творческий паралич (касательно оригинальной поэзии – тотальный). Новый этап творческой эволюции Мандельштама пришелся уже на следующее десятилетие.

В главе 3. «Время, вечность и историческая действительность в творчестве Мандельштама 1930-х годов» рассматривается взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение этих трех форм бытия вещей и явлений в творчестве позднего Мандельштама.

В параграфе 3.1. «Идея культурной синхронии в "Новых стихах" и "Разговоре о Данте" Мандельштама» автором ставится задача показать, что вершиной и квинтэссенцией мандельштамовского культурологического мышления являлась сформулированная им идея культурной синхронии, в

наиболее ярком и образном виде выражающая мысль о культуре как общности высшего порядка.

В 30-е годы у Мандельштама появляется стремление не просто «объять всю мировую культуру», тем более каталогизировать её, но *синхронизировать*. На место причинности Мандельштам ставит связь, и это делает глобальную культурную вселенную принципиально синхронистической. Эта мандельштамовская идея типологически близка тем вневременным моделям культурного пространства, которые создавались как на Западе, так и в России (Х. Л. Борхес, А. Белый). В конце XX века принципиальную одновременность бытия в культуре стремился в строго научном ключе обосновать в своей философии «диалога культур» видный отечественный философ и культуролог, последователь М. М. Бахтина, В. С. Библер.

В «Новых стихах», создававшихся в 1930-34 годах, очень четко прослеживается определенная последовательность, задающая ритм и образующая структуру этого корпуса лирики Мандельштама. Стихи начинаются с цикла «Армения», являющегося своеобразной точкой отсчета. Армения как доступная параллель с землей обетованной – «младшая сестра иудейской земли» – символизирует вечность. Ей противопоставляются Ленинград-Петербург как прошлое (стихотворения «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...», «С миром державным я был лишь ребячески связан...») и Москва – столица СССР – как настоящее («московский» цикл: «Полночь в Москве», «Еще далёко мне до патриарха...», «Сегодня можно снять декалькомани...»). За Арменией, Петербургом, Москвой стоит весь обширный мир русской культуры, непреходящим символом которой является русская поэзия. Это цикл «Стихи о русской поэзии» и примыкающее к нему стихотворение «Батюшков». В свою очередь, русской поэзии в пространстве «Новых стихов» противопоставляется поэзия иностранная: немецкая и итальянская («К немецкой речи» и «Ариост»). Но противопоставление здесь надо понимать в диалектическом гегелевском смысле – тезис и антитезис с получаемым синтезом. Историческая реальность эпохи представляется более мрачной, чем когда бы то ни было, однако в пространстве свободы, где, по Мандельштаму, время сменяется вечностью, «широкое и братское лазорье» («Ариост») синхронной культурной Вселенной уже осуществлено, точнее, существовало всегда.

В более прозрачной форме, чем в стихах (если вообще можно говорить о прозрачности у Мандельштама с его сгущенной метафорикой), идея культурного синхронизма выражена в «Разговоре о Данте» (1933). Сама возможность *разговора* предполагает одновременность. Функция разговора – связывать прошлое, настоящее и будущее в единство. Выходя за рамки лингвистики, принцип синхронии обеспечивает образование культурной системы, смыкающей все времена в одно целое. Соссюрианское противопоставление синхронии и диахронии может быть в случае Мандельштама прочитано как противопоставление содержания истории,

«понимаемой как единый синхронистический акт» и традиционного историзма девятнадцатого века, который воспринимал историю как простую смену разрозненных событий и фактов в их линейной протяженности. По Мандельштаму, Данте, глубоко чуждый такой примитивной линейности, сводит в единую всевременность культуру разных стран и народов. Способ, которым Данте созидает всевременность культуры, конечно, не имеет ничего общего с путем простого пересказа, консервирующим царство диахронии. Этот способ – «порыв» - ключевое понятие мандельштамовской поэтики того времени, идущее от А. Бергсона. Для Мандельштама «порыв» - это обратимость поэтической материи, в котором прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, общаясь в непрерывном разговоре. Стихи, считает Мандельштам, это не форма, а формообразование, и даже не формообразование, а «порывообразование». Здесь в бергсоновскую тему победы над материей и использования её с помощью организации (культура, вырастающая из камня благодаря порыву) вторгается идея культурной синхронии. Данте и Мандельштам оказались «провиденциальными собеседниками». Мандельштамовский «Разговор о Данте» превратился в «Разговор с Дантом».

В параграфе 3.2. «Мандельштам "Воронежских тетрадей": между эсхатологизмом и оправданием истории» рассматривается последний период творчества поэта, совпавший с его пребыванием в воронежской ссылке. Последний мощный мандельштамовский поэтический взлет произошел на фоне глубочайшей, катастрофической личной и бытовой неустроенности, перемежаемой к тому же сильнейшими душевными кризисами. Это не могло не сказаться, на смещении ориентиров мандельштамовского культурологического зрения, но, однако, не было главной причиной такого смещения. В контексте данного исследования уместной представляется акцентировка внимания на двух основоположных (и противоположных) интенциях в творчестве Мандельштама второй половины 30-х годов. Они выражались в попытке найти смысл в исторической действительности (шире – в попытке оправдания истории), с одной стороны и, с другой стороны, в наличии эсхатологических настроений в мандельштамовской поэзии. Совершенно очевидно, что эти две установки являются откровенно антагонистичными по отношению друг к другу. Эсхатологическое отношение к миру предполагает как аксиому то, что «мир во зле лежит» и противопоставляет мир вечности миру исторической действительности. Для Мандельштама моделью вечности было достижение в творческом акте синхронизма разорванных веками времен и событий. Синхронизм, однако, сам по себе, не предполагал «конца истории». Поэта также не слишком интересовала историческая действительность «текущего момента». Синхронная культурная Вселенная Мандельштама жила одновременностью-вечностью всех времен. Теперь, в Воронеже, поэт почувствовал потребность оправдать историю, парадоксально совмещая эту

потребность с острым чувством вечности в её финалистском варианте. Он утверждал не «вечное возвращение» или «синхронный веер прошлых лет», а именно эсхатологизм на фоне прошлого (и будущего) опыта истребительных войн и тоталитарных режимов.

Интенция к оправданию истории проходит через большинство стихотворений воронежского цикла, особенно таких как «Стансы» («Я не хочу среди юношей тепличных...»), «Чапаев» («День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»), «Мне кажется, мы говорить должны...», «Средь народного шума и спеха...» и, наконец, сталинская ода «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...». Признание истории в мандельштамовских стихах 1935 года было предпосылкой для оправдания действительности. Мандельштамовская любовь к целому, смолоду испытываемая тяга к «всеединству» (в чаадаевском ключе), парадоксальным образом также сыграли свою роль в появлении его просоветских стихов 30-х годов. Стремление поэта к «тотальности» (синхронной тотальности культуры) как будто нечаянно срифмовалось с тоталитаризмом советского политического режима и нарождающейся советской культуры. Эти стихи не были лишь «досадным недоразумением», они не были просто «выбиты сталинской террористической машиной», как представляется ряду современных публицистов (Б. Сарнов), а явились следствием работы коренных структур сознания поэта, сформировавшихся задолго до сталинского триумфа. Мандельштам теперь представил себе прошлое, настоящее и будущее в их целокупности, взглянув на настоящее как на прошлое, - и это стало оправданием настоящего.

В финале сталинской оды искупление завершается воскресением, стихотворение приобретает религиозную окраску. Таким образом, здесь происходит встреча двух линий «Воронежских тетрадей». Острое чувство вечности, сопряженное с профетическими видениями вселенской катастрофы, заполняют пространство «Стихов о Неизвестном солдате» – едва ли не главного произведения Мандельштама, ставшего его поэтическим завещанием. Именно под углом эсхатологического мировидения, сопутствовавшего Мандельштаму в последние годы жизни (наряду с противоположным мировосприятием), можно и нужно читать «Стихи о неизвестном солдате». Ослепляющий свет вселенской катастрофы неминуемо несет с собой «новое небо и новую землю». Мандельштам говорил о смерти, что она есть торжество. Здесь смерть в значении обращения к «жизни вечной», торжество в значении полного и окончательного торжества вечности над временем. А вечность, по Мандельштаму, - это состояние в котором в одновременности сосуществуют все времена.

Тридцатые годы оказались последним десятилетием, в котором реализовала себя творческая эволюция Мандельштама. В эти годы, убедившись в жестокости эмпирической реальности «века-волкодава», он

приходит к идее культурной синхронии, упраздняющей ограничения пространства и времени в бесконечности культурной Вселенной – возможно, высшей точке развития своего культурологического мышления. Воронежская ссылка привела Мандельштама к новому (отличному от революционного времени) эсхатологизму, напоминающему прежде всего Откровение Иоанна, причудливо переплетенному с попыткой оправдания истории. Воронежский период мандельштамовского творчества отмечен максимальной для поэта степенью разнонаправленности, амбивалентности, подчеркивающей принципиальную сложность и неоднозначность его наследия, создававшегося в особых исторических условиях, но не отменяющей, тем не менее, принципиально целостный характер этого наследия.

В **Заключении** диссертации изложены результаты исследования, указаны основные выводы рассмотрения представленной проблемы, намечены возможные перспективы и пути ее дальнейшего изучения.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. Попов, Е.А. Эволюция культурфилософских взглядов О. Мандельштама / Е.А. Попов // Известия Урал. гос. ун-та. - Екатеринбург: Изд-во УрГУ. - 2007. - № 53. - Сер. 2, вып. 14. - С. 114-123; 0,8 п. л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

2. Попов, Е.А. «Воронежские тетради» Осипа Мандельштама: репрезентация социокультурной ситуации времени / Е.А. Попов // Актуальные проблемы культурологии. Тезисы Международной научной конференции аспирантов и студентов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. - 2004. - С. 54-55; 0,2 п.л.

3. Попов, Е.А. Мироощущение эпохи смены культурных парадигм в творчестве Мандельштама 1920-х годов /Е.А. Попов// Сборник тезисов научной конференции «III Колосницынский чтения». – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. - 2006. - С. 213-217; 0,4 п.л.

4. Попов, Е.А. Осип Мандельштам 30-х годов: тоталитаризм – притяжение и отталкивание / Е.А. Попов // Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения. Сборник материалов научно-практической конференции. - Екатеринбург: Изд-во УрГПУ. – 2007. - С. 67-72; 0,5 п.л.

5. Попов, Е.А. О. Мандельштам и культура модернизма (конец фабулы и восстание масс) / Е.А. Попов // Литература в контексте современности. Материалы III Международной научно-методической конференции. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ. - 2007.- С. 160-163; 0,3 п.л.

6. Попов, Е.А. Интерпретатор как творец (творец как интерпретатор): идея культурной синхронии в «Разговоре о Данте» и «Новых стихах» Осипа Мандельштама / Е.А. Попов // Зритель в искусстве: Интерпретация и творчество. Материалы всероссийской конференции. - СПб.: Роза мира. - 2007. - С. 167-175; 0,7 п.л.

7. Попов, Е.А. Концепция культуры раннего Мандельштама в свете чаадаевской философии истории / Е.А. Попов // Человек в мире культуры. Материалы научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ. - 2008. - С. 65-67; 0,2 п.л.